

ЗНАКИ И СМЫСЛЫ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

А. В. Кравченко

Байкальский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11
Поступила в редакцию 30.03.2023 г.
Принята к публикации 05.05.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-2

Нерешенность центральной для лингвистики проблемы языкового значения объясняется наследием дуалистичной философии, определяющей исходные эпистемологические установки, поэтому семиотическая проблема триады «знак – значение – смысл» рассматривается как методологическая проблема, порождаемая философией объективного реализма и основанной на ней репрезентационалистской теорией познания. Подход к языковому знаку как некоему внешнему по отношению к человеку объекту с присущими ему свойствами, то есть его объективизация, характерная для лежших в философское основание семиотического анализа логических построений Фреге, вкупе с укоренившимся ошибочным пониманием природы и функции языка как скорее инструмента коммуникации, нежели способа существования человека как живой (когнитивной) системы, препятствует научному объяснению как того, так и другого. В качестве альтернативы предлагается подход к центральной проблеме семиотики в рамках конструктивистской эпистемологии, позволяющей преодолеть противоречия в объективистской интерпретации и объяснении знака, значения и смысла, которые являются эмерджентными феноменами. Конструктивистский подход дает новое понимание природы значения и смысла как синтеза системных и индивидуальных когнитивных процессов, «схваченных» словом и составляющих основу человеческого познания.

Ключевые слова: язык, языковой знак, эмерджентность, реляционная область, система, конструктивизм, познание

1. Введение

Проблеме языкового знака, его природе и функции посвящена огромная литература, что, однако, не мешает самой проблеме оставаться по-прежнему практически не решенной. Главный камень преткновения – это анализ языкового знака как особого рода сущности, функция которой, как принято считать, состоит в репрезентации предметов, явлений и отношений действительности, как она понимается в философии объективного реализма, а именно: мир устроен определенным образом – независимо от наших репрезентаций того, как он устроен (Searle, 1998, p. 32), а языковые знаки обозначают и выражают определенные «кусочки» этой действительности (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 167). Отношение языковых знаков к объектам действительности и их структура (форма и содержание) изучаются

семантикой как разделом семиотики, при этом исследование содержательных аспектов языковых знаков традиционно следует положениям сосюрковского учения о знаках — семиологии.

Семиологическое понятие языкового знака как материальной формы (означающего), наполненной идеальным содержанием (означаемым), и языка как системы таких знаков, служащих инструментом для выражения идей и обмена информацией, продолжает доминировать в лингвосемиотических исследованиях, хотя оно давно и обоснованно критикуется как неадекватное (Дорошевский, 1973; Блюменау, 1982; Keller, 1998; Кравченко, 2021). Наследие дуалистичной философии объективного реализма, пустившего глубокие корни в естественных науках с обслуживающими их аппаратами математики и формальной логики, до сих пор определяет подходы лингвистов-структуралистов к решению различных лингвистических проблем. Призыв Ф. де Соссюра изучать язык как систему знаков «в себе и для себя» предполагает его объективизацию, рассмотрение его как части «объективной» реальности, которая не зависит от познающего эту реальность субъекта. И коль скоро язык при таком подходе предстает как самодовлеющая сущность, внешняя по отношению к человеку, который использует его в инструментальной функции, научное изучение языка, как и изучение любого другого явления «объективной» реальности, понимается как возможность применения к нему аналитических процедур, используемых в формальной логике и математике.

Не стала исключением и центральная проблема семиотики — проблема знака вообще и языкового знака в частности. В фокусе этой проблемы оказался так называемый «семантический треугольник Огдена — Ричардса» (Ogden, Richards, 1923), в основу которого легли представления философа и логика Г. Фреге (Frege, 1892) о структуре языкового знака как отношении между его формой (телом знака, означающим) и значением (предметом, референтом), опосредованном смыслом (означаемым, выражаемым понятием). Несмотря на то что идея семантического треугольника уже на протяжении более ста лет привлекает внимание ученых, стремящихся понять природу языкового значения в надежде приблизиться к пониманию того, что представляет собой познание, споры вокруг него не утихают. Но они и не утихнут до тех пор, пока исходным посылом в анализе языкового знака будет представление о нем как внешнем по отношению к человеку объекте, этаким контейнере, вмещающем содержание в виде значения и смысла.

Предложенное Фреге различие между значением (обозначаемым предметом) и смыслом (способом данности предмета) как двумя содержательными сторонами языкового знака обросло со временем множеством интерпретаций, нередко различающихся кардинально. Не преследуя цели дать подробный анализ таких интерпретаций, я остановлюсь на понятиях «знак», «значение» и «смысл» и попробую показать, в чем кроется главный недостаток в объяснении предложенной немецким математиком триады, попытавшись ответить на вопрос: «Является ли “смысл” свойством языкового знака, воспринимаемым и описываемым наблюдателем?»

2. О понятии языкового знака

Начать следует с рассмотрения того, что именно следует понимать под языковым знаком. В первую очередь мы должны определиться с тем, что мы объясняем: язык как систему «в себе и для себя», находящуюся «где-то там», в «объективной реальности» и состоящую из языковых знаков как отдельных ее компонентов, или язык как особый вид человеческого интерактивного поведения, имеющего системный характер и состоящего из образующих его процессов и отношений между ними, включая языковой семиозис.

В ортодоксальной лингвистике, методология которой основана на инструментальной метафоре (Кравченко, 2022), язык — это система знаков для кодирования значений с целью дальнейшего обмена ими в процессе коммуникации. При этом само использование инструментальной метафоры обусловлено глубочайшим заблуждением методологического характера, которое я называю «великой подменой научного объекта» (Кравченко, 2013, с. 27). Хотя сам Соссюр подчеркивал, что естественный (звуковой) и искусственный (письменный) язык отнюдь не одно и то же, в лингвистике утвердилась традиция рассматривать их как тождественные, что неизбежно привело к письменноязыковой предвзятости лингвистики как научной отрасли (Linell, 2005). Именно изучение различного рода текстов, существующих вне пространства-времени в виде структурированных систем особых графических знаков (артефактов), с которыми можно проводить различные манипуляции, способствовало утверждению взгляда на язык как «системно-структурное образование» — систему знаков как объектов с присущими им свойствами, которые можно изучать «в себе и для себя». Соответственно, объяснение языка, его природы и функции отождествляется с объяснением природы и функции языковых знаков, под которыми понимаются не акустико-артикуляционные явления, наблюдаемые в конкретных ситуациях диалогического взаимодействия и интерпретируемые с опорой на совокупность самых разнообразных факторов поведенческой динамики, воспринимаемых и осознаваемых собеседниками «здесь-и-сейчас», но их графические репрезентации, которые представляют собой *знаки знаков*. Неадекватность такого понимания языкового знака ведет к неадекватности понимания языка в целом, и наоборот, непонимание языка как системного поведения человека ведет к неадекватности понимания языкового знака — именно по этой причине лингвистика как наука, со всеми ее теоретическими «достижениями», не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на повседневную жизненную практику человеческого сообщества (Кравченко, 2021).

Традиционная лингвистическая семантика исходит из изначальной, предзаданной знаковости слова, рассматривая его как материальный объект особого рода (соссюровский «акустический образ», означающее), наполненный идеальным содержанием («значением», или означаемым). Поскольку в подавляющем большинстве случаев между словом и тем, знаком чего это слово является, нет какой-либо видимой он-

тологической зависимости, собственно знаковое отношение принято считать произвольным. Однако с точки зрения эпистемологии такой подход нельзя признать адекватным, поскольку он игнорирует примат феноменологии в чувственно-опытном познании мира: любая сущность — и языковые знаки не являются здесь исключением — идентифицируется и категоризируется по мере накопления опыта в процессе взаимодействий организма со средой. Строго говоря, в функции знака вообще может выступать все что угодно (Дорошевский, 1973; Kravchenko, 2003a), то есть знаковое отношение не встроено в природу (Putnam, 1983, р. XIII), а сама знаковая функция тех или иных компонентов среды является *эмерджентным свойством*. Это очень важно понимать, поскольку естественный язык потому и называется естественным, что для каждого появившегося на свет младенца языковые знаки (звучащие слова и выражения) изначально, то есть естественным образом, представляют собой всего лишь один из многих видов компонентов среды, к которой человеческий организм должен приспособиться, научившись ориентироваться в ней. Важнейшая часть этой среды — реляционная область языка как динамичная область отношений между членами говорящего на одном языке сообщества. Эти отношения порождаются и координируются в процессе языковых взаимодействий как интерактивного поведения ориентирующего характера — именно поэтому Ч. Моррис (Morris, 1938) говорил о языке как эволюционном продолжении человеческого сенсориума.

Знак — это то, что позволяет интерпретатору принимать в расчет нечто, отсутствующее в текущем восприятии, и в этом состоит его семиотическая функция. Мы знаем, что нечто является знаком, благодаря имеющемуся у нас опыту предшествующих взаимодействий со средой. Этот опыт сохраняется в памяти как динамической сети состояний относительной нейронной активности, являющихся репрезентациями физических (телесных) взаимодействий (Kravchenko, 2008, р. 99). Накопленный таким образом опыт позволяет нам устанавливать ассоциативную связь между тем, что дано в текущем восприятии, и тем, что перцептуально отсутствует, но хранится в памяти, то есть мы категоризируем наблюдаемый компонент среды как «метку» (лат. *signum*) чего-то другого, чего-то значимого в опыте ориентирующих (адаптивных) взаимодействий наблюдателя со средой, и эта значимость определяется ценностью того, что «обозначено» знаком. Значимость эта не является внутренним свойством того, что находится в поле восприятия. Она возникает в потоке «живого» опыта организма в процессе хеббовского обучения (Hebb, 1949) и опосредуется поведенческой реакцией организма на тот компонент среды, который воспринимается и интерпретируется как знак. Способность ориентироваться в своих взаимодействиях со средой на основе интерпретации ее воспринимаемых компонентов через соотнесение с сохраненным в памяти опытом аналогичных взаимодействий в прошлом — суть семиозиса как жизненного (когнитивного) процесса у высших животных. В этом смысле «всякая деятельность есть познание, всякое познание есть деятельность» (Maturana, Varela, 1987, р. 26).

Естественный язык — это не система математических знаков и выражений типа графических символов « $a = a$ » или « $a = b$ », с рассмотрения которых Фреге начинает свои рассуждения о смысле и значении. В отличие от естественных языковых выражений как компонентов диалогических взаимодействий «здесь-и-сейчас», эти письменные выражения, которые Фреге называет предложениями — как и любые другие графические образы слов естественного языка, из которых состоит любое и всякое предложение, — представляют собой примеры текстов как культурных артефактов. Когнитивная динамика взаимодействий с текстами (создание текста автором и его прочтение читателем) самым существенным образом отличается от когнитивной динамики диалогических (естественных языковых) взаимодействий (Kravchenko, 2009). Речь и письмо — явления разной онтологии, и знак языкового знака (графическая репрезентация «живого» слова) — совсем не то же самое, что собственно языковой знак как компонент системной динамики человеческого интерактивного поведения.

Алфавитное письмо как вид когнитивной деятельности представляет собой принятую в обществе практику репрезентации компонентов естественных языковых знаков (точнее, их означающих — определенных последовательностей звуков речи, из которых состоят слова), воспринимаемых в аудиальной модальности в реальном времени диалогического взаимодействия, посредством специальных графических символов (букв как условных обозначений звуков), воспринимаемых уже в другой, визуальной модальности вне их привязки к конкретной ситуации «здесь-и-сейчас». Всякий алфавит можно рассматривать (с небольшими оговорками) как своеобразный код — систему знаков, в которой между означающим (буквой) и означаемым (звуком) существует практически однозначное соответствие — условие, которому должен отвечать всякий код (Kravchenko, 2020). Однако это не превращает кодируемое буквами означающее естественного языкового знака в элемент кода (Kravchenko, 2007).

В случае звучащего слова как компонента системной динамики человеческого сообщества мы имеем дело с абстракцией первого порядка: языковой знак — это способ принятия человеком в расчет аспектов среды, не данных в непосредственном чувственном восприятии (Morris, 1938). В случае же слова написанного мы имеем дело с абстракцией от абстракции, то есть с абстракцией второго порядка: последовательность условных графических символов репрезентирует не воспринимаемое в аудиальной модальности «живое» слово, уже само по себе являющееся абстракцией (Kravchenko, 2021). Как следствие отождествления естественных языковых знаков с их письменными репрезентациями (знаками знаков), базовый понятийный аппарат ортодоксальной лингвистики (фонема, слово, предложение) оказывается весьма проблематичным, а в развитых письменных культурах происходит когнитивная реконфигурация языка, в результате которой, образно говоря, карта территории (письмо) становится самой территорией, то есть языком (Davidson, 2019), и мы со школьной скамьи привыкаем к тому, что слово «начинается с такой-то буквы», а сами слова — это самостоятельно существую-

щие объекты (например, в словарях), анализом которых и призвана заниматься наука, будь то лингвистика, семантика, семиотика или формальная логика с ее семантической теорией истины.

Недостатки предметной (объективистской) интерпретации языкового знака, взятой на вооружение лингвистической семантикой, равно как и альтернативного ей субъективистского подхода, восходящего к идеям В. фон Гумбольдта и Б. Л. Уорфа о единстве языкового знака и мысли, подробно рассмотрены в (Кравченко, 2013, глава 4). В частности, было показано, что «семантический треугольник» рисует ущербную картину, поскольку не учитывает еще один, четвертый фактор — *иное* сознание как необходимое условие онтогенеза языкового значения, которому просто нет места в «семантическом треугольнике». Естественноязыковое поведение (координированные взаимодействия ориентирующего характера) изначально *межсубъектно*, оно носит диалогический характер (Линелл, 2013) и имеет деятельностьную природу.

Как подчеркивал полвека назад Г. П. Щедровицкий (2004), знак не может рассматриваться ни как вещь, ни как свойство, ни как отношение, поскольку он существует и только может существовать как компонент деятельности. Лишь объяснив пути возникновения и способы существования значений и смыслов в человеческой деятельности, можно объяснить природу знаков и семиотические процессы, суть которых не в том, что существующие сами по себе значения и смыслы передаются с одного места в другое (как принято считать в стандартной теории языковой коммуникации), но в том, что они индуцируются, возникают в процессе семиотической (языковой) деятельности, в которой только и существуют знаки. Как и собственно знак, значение и смысл — *эмерджентные феномены*. Но в чем же между ними различие?

3. Значение и смысл

Согласно Фреге (Frege, 1892, S. 27), правильная связь между знаком, его смыслом и значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл, а смыслу, в свою очередь, — определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) соответствует не только один знак. Но что такое «правильная связь»? Для логики и математика это связь, выявляемая логическим (рациональным) способом, — неслучайно рассуждения Фреге о смысле и значении связаны с рассмотрением простых математических равенств (предложений) « $a = a$ » и « $a = b$ » и их познавательной ценности, которая, как заключает Фреге, в равной мере определяется как смыслом, так и значением. Однако говорить о познавательной ценности предложения, не определившись с тем, что такое познание как процесс и в чем его функция, — значит оставлять без ответа главный вопрос о природе познания вообще и человеческого познания в частности. Несмотря на то, что триада «знак — смысл — значение» стала основой современной семантики в логике, лингвистике и семиотике, в непрекращающихся вокруг нее дискуссиях обычно не принято ставить главный вопрос: «Что такое (по)знание с точки зрения общей теории систем?»

Тот факт, что в русском языке слова «знак», «значение», «знание» — одного корня, недвусмысленно говорит о том, что понятия эти связаны между собой самым тесным образом (Кравченко 2001; Kravchenko 2003б). Понять, что такое *познание* как процесс, и что такое *знание* как результат этого процесса, можно, лишь поняв, что такое *знак* вообще и языковой знак в частности. Человеческое познание отличается от познания у других животных тем, что когнитивная область человека — это область языковых взаимодействий как особого вида координаций кооперативного поведения в консенсуальной области: все, что человек делает, он делает в языке. Другими словами, в случае «человека говорящего» познание сопряжено с языком, и одно не может быть отделено от другого (Bunnell, 2015). Следовательно, чтобы понять природу человеческого познания, необходимо понять (= «ухватить») природу языка как семиотического поведения, включающего операции над тем, что мы называем языковыми знаками — словами и выражениями.

Как становится ясным из приведенных выше соображений о понятии языкового знака, Фреге использует рационалистический подход к анализу знаков естественного языка (слов и выражений): они предстают как предметные сущности контейнерного типа, существующие «где-то там», в «объективной» реальности. Это позволяет ему утверждать, что смысл знака может быть общим достоянием многих, и, следовательно, не является частью или модусом души отдельного человека (Frege, 1892, S. 29), и в этом заключается его принципиальная ошибка. Определение смысла как «способа данности предмета» ведет к онтологической зависимости значения от смысла, и Фреге, идя в своих рассуждениях от знака к смыслу и от смысла к значению, указывает, что наличие смысла еще не предполагает наличия значения. Тем самым он принимает автономное существование знаков и смыслов как данность, то есть знаки — это особые объекты, обладающие особыми свойствами как системой отношений, которая и предстает в виде триады «знак — смысл — значение», при этом наличие последнего вовсе не обязательно: знак может не иметь значения. Подобная пропозиция противоречит нашему интуитивному пониманию знака как того, что имеет значение, потому что *если нет значения, то нет и знака*.

В лингвистической семантике различие между значением и смыслом обычно соответствует различию между предметным (денотативным) и понятийным (сигнификативным) значением. При этом огромное количество языковых знаков не имеет предметного значения (в этом Фреге, несомненно, прав), обозначая лишь абстрактные понятия — *любовь, ненависть, дружба, вражда, зависть, благородство, преданность, предательство* и т. п. Это не мешает им быть полноценными и очень важными языковыми знаками (чем-то, обладающим значением), участвующими в создании морально-ценностных ориентиров для членов языкового сообщества. Это возникающее противоречие может быть разрешено при более внимательном взгляде на то, что принято считать означаемым языкового знака.

Философия объективного реализма и основанная на ней репрезентационалистская теория познания исходят из отражательной функции

языка, якобы представляющего образы внешнего мира, формирующиеся в сознании. Напротив, альтернативная эпистемология радикального конструктивизма, к которой обращается все большее число исследователей в различных гуманитарных областях (Кравченко, 2015), подходит к отношению между языком и миром принципиально противоположным образом: мир, в котором мы живем, является образом языка, на котором мы говорим (Maturana, 1970; 1978; Glaserfeld, 1995; Foerster, 2002). Это не превращает мир в некий эфемерный конструкт, порождаемый сознанием, но устанавливает онтологическую связь между языком как способом существования человека в мире и миром как когнитивной областью — реляционной областью языковых (ориентирующих) взаимодействий. Другими словами, языковые знаки не выступают в роли субститутов обозначаемых ими предметов и явлений, как принято считать в картезианской теории познания, — в противном случае у лингвистов не было бы поводов рассуждать о референтном и нереферентном употреблении имен. Но если референция к объектам действительности не является главной функцией языковых знаков как компонентов деятельности ориентирующего характера, то в чем состоит их функция в процессе познания как жизненной деятельности человека? Что значит «интерпретировать нечто как языковой знак»?

Согласно Р. Келлеру, «знаки — это намеки более или менее определенного характера, приглашающие другое лицо сделать определенные выводы и обеспечивающие возможность для него прийти к этим выводам... Процесс прихода к таким выводам называется **интерпретацией**; цель этого процесса — **понимание**» (Keller, 1998, p. 90). По мнению Т. Дикона, интерпретировать нечто как знак — значит интерпретировать данные в непосредственном восприятии физические условия среды «как репрезентирующие другие, перемещенные (displaced) или еще не реализованные возможные условия» (Deacon, 2015, p. 294). В этом определении оба типа условий относятся к чему-то отсутствующему в текущем восприятии; вместе с тем они принадлежат двум различным, хотя и пересекающимся онтологическим областям. «Перемещенные условия» — это условия, явленные наблюдателю в его прошлых взаимодействиях со средой; они сохраняются в памяти как репрезентации — состояния относительной активности нейронных ансамблей, вызванные взаимодействиями организма со средой. В этом смысле «перемещенные условия» «реальны» постольку, поскольку они являются частью живого опыта наблюдателя. «Нереализованные возможные условия» — это условия, которые могут иметь место во взаимодействиях наблюдателя со средой в (недалеком) будущем, но которые пока не являются частью живого опыта, и в этом смысле они не «реальны»: они представляют собой потенциалности, нечто, что может произойти, но не обязательно произойдет.

Но как могут чувственно воспринимаемые физические условия репрезентировать (то есть «представлять вновь») нереализованные условия как потенциалности, еще не ставшие частью живого опыта? Это становится возможным исключительно в мире как образе нашего языка, в котором мы существуем и функционируем как наблюдатели, ин-

терпретирующие и описывающие наблюдаемое. Именно потому, что «потенциальность» — это имя существительное, а существительные, как правило, обозначают вещи в мире наблюдателя, а также потому, что мы не можем вырваться из эпистемологической ловушки языка, на котором говорим (Кравченко, 2016), мы склонны рассматривать и описывать потенциальности как нечто существующее и потому способное выступать объектом чувственного восприятия в наших будущих взаимодействиях со средой. Мы категоризируем наш опыт как поток ощущений, движущийся вдоль временной оси от прошлого через настоящее к будущему как временным областям, существующим в нашем мире. Однако, как было показано (Охоцимский, Кравченко, Дружинин, 2021), организация временного ряда, связывающего то, что есть, с тем, чего уже нет или еще нет, возможна лишь в языковом семиозисе: «прошлое» и «настоящее» суть семиотические конструкты, они принадлежат настоящему так же, как и любой мыслительный акт.

Когда мы говорим о прошлом или будущем, мы, сами того не осознавая, принимаем мир, конструируемый в языке, или «объективность со скобками», за реальный мир как поток опыта, переживаемый в нашем обманчивом настоящем, или «объективность без скобок»:

объективность со скобками влечет за собой принятие того, что существование приносится различениями, которые делает наблюдатель, что областей существования столько, сколько видов различения проводит наблюдатель: объективность в скобках влечет за собой множественные миры (*multiversa*), она подразумевает конститутивную зависимость существования от наблюдателя, и что областей истины столько же, сколько областей существования, порождаемых наблюдателем в проводимых им различениях (Maturana, 1988, p. 11).

Точно так же, как и в случае со временем, мы говорим о многих других вещах, имеющих процессно-реляционную природу, как если бы они были реально существующими предметами объективного мира, — таких, например, как *разум, знание, (само)сознание, мысль* и, конечно же, *смысл и значение*, а поскольку обозначенные такими словами «сущности» не даны нам в прямом чувственном опыте, мы начинаем прилагать усилия к тому, чтобы их обнаружить, применив специально разработанные «научные» методы и аналитические процедуры. Наглядным примером таких поисков являются многочисленные когнитивные исследования по обнаружению сознания как чего-то, существующего в «объективной реальности» (в мозге) и в силу этого выступающего, в свою очередь, вместилищем других «сущностей», таких как «мысли». Однако, как подчеркивал Х. фон Фёрстер, «когда у вас процесс становится предметом, вы ступаете на кривую дорожку. Многие из трудностей, препятствующие пониманию, происходят из того факта, что мы постоянно занимаемся предметами, которые в действительности являются процессами» (Foerster, 2002, p. 69). В функционировании нервной системы нет такой вещи, как «сознание». «Сознание» есть не что иное, как экспланаторное понятие (Maturana, Mpodozis, Letelier, 1995), как и

многие другие ненаблюдаемые «сущности» типа упоминавшихся выше. К кругу подобных «сущностей» относятся и интересующие нас «значение» и «смысл».

В онтогенезе категоризации артикуляционно-акустических явлений как (языковых) знаков предшествует понимание того, что они являются конститутивными компонентами особого вида интерактивного поведения как способа существования живой системы — сообщества говорящих индивидов. Будучи частью этой системы, ребенок научается координировать свое поведение, интегрируя его с поведением других на основе интерпретации той роли, которую языковые знаки играют в такой координации. Интеграция поведенческой динамики ребенка в общую динамику системы становится возможной благодаря тому, что накапливаемый «живой» опыт внутрисистемной динамики позволяет ребенку установить определенные закономерности в процессах функционирования артикуляционно-акустических явлений, то есть *приписать им значимости*. Та часть продукта интерпретации знака (слова, высказывания), которая в значительной степени совпадает у разных интерпретаторов, выступая в качестве ориентира при координации кооперативного поведения, и есть *значение* — способность знака функционировать как «метка», задающая некоторый общий для разных интерпретаторов ориентир в реляционной области языка.

Важно понимать, что то или иное значение конкретного языкового знака не является некоей автономной сущностью, как принято считать в традиционной семантике, оно *возникает* из совместного опыта употребления знака в языковых взаимодействиях. Именно потому, что оно социализировано, оно может быть охарактеризовано как «хранимое значение» (Демьянков, 1989, с. 55), но хранимое лишь в актуальном для системы опыте взаимодействий в когнитивной области. С изменением тех или иных аспектов когнитивной области деятельность практика и порождаемый ею актуальный опыт могут также изменяться, а с ними будет изменяться и «хранимое значение» (к вопросу об «асимметричном дуализме» языкового знака).

Существует мнение, что люди «создают» смыслы из своего опыта по мере продвижения к какой-то цели в настоящий момент (Morehouse, 2012; Staver, 2012). Однако смыслы — это не предметы, которые мы создаем наподобие различных артефактов для общего пользования и помещаем в слова как материальные контейнеры, доступные, как считает Фреге, многим. Смыслы сокровенны. В человеческом воязыковленном мире они являются аспектами динамики системы «организм — среда», включающей внутренние процессы корреляции нашего индуктивного поведения с целями, которые мы преследуем как наблюдатели в мире, созидаемом в языке как нашем способе жизни.

Смыслы возникают и «приходят» к нам в процессе мышления, который не является ни пассивным, ни отдельным видом деятельности. Мышление подразумевает взаимодействие между человеком и средой (Kellog, 1994). Как сделанное в языке различение, слово «мышление» — это «способ, которым наблюдатель косвенно отсылает к внутреннему функционированию нервной системы, участвующей в порождении

поведения... каждое животное имеет мозг, который мыслит в соответствии со способом жизни этого животного. Человеческий мозг мыслит языком (thinks in language)» (Maturana, Mpodozis, Letelier, 1995, p. 24).

Каждый индивид как компонент более сложной живой системы, каковой является сообщество говорящих на одном языке людей, уникален в той степени, в какой уникальна вся история его развития как живого организма (когнитивной системы). Как аспекты динамики этой системы, смыслы — запускаемые в процессе интерпретации языковых знаков нейронные процессы корреляции поведения с преследуемой этим поведением целью — всегда носят индивидуальный характер, они *лично окрашены*: слово «смысл» в русском языке — это личностная категория (Чечулин, 2011). Именно поэтому в ситуациях естественоязыкового общения, когда мы стремимся достичь понимания, мы апеллируем к понятию смысла, задавая уточняющие вопросы или поясняя собственные высказывания: — *Ах, как мне надоела эта жизнь!* — *В каком смысле?* (но не **В каком значении?*).

4. Заключение

Итак, отвечая на вопросы о том, что представляет собой процесс интерпретации языкового знака и в чем состоит различие между значением и смыслом, можно сказать следующее. Во-первых, подход к значению и смыслу как свойствам автономно существующих объектов, именуемых языковыми знаками, является и эмпирически, и теоретически несостоятельным — именно поэтому природа и свойства языковых знаков продолжают оставаться проблемой для рационалистически настроенных исследователей. Во-вторых, интерпретация языковых знаков — это двуединый процесс, включающий, с одной стороны, их идентификацию как общих ориентиров («меток») для координации кооперативного поведения индивидов как компонентов сложного целого — сообщества говорящих на одном языке людей как живой системы, а с другой — обусловленную индивидуальной историей развития корреляцию индуктивного поведения отдельного человека с общей динамикой системы в целом. В первом случае речь идет о *значении* языкового знака как условия осуществления языком функции обеспечения и сохранения целостности когнитивной системы (сообщества индивидов) как единства (языковых) взаимодействий. Во втором — о *смысле* как телеономическом факторе, влияющем на общую конгруэнтность динамики индивида и динамики сообщества как живых систем разного уровня организации. В-третьих, и значение, и смысл имеют эмерджентную природу, а собственно слова «значение» и «смысл», как сделанные в языке различения, позволяют нам «ухватить» важные процессные характеристики нашего способа жизни. Этот процесс «схватывания» и есть *понимание*.

Как следует из сказанного выше, проблемы, связанные с пониманием и объяснением природы и структуры языкового знака, имеют очевидную эпистемологическую подоплеку и вызваны экстраполяцией в лингвистику и семиотику модели знака, разработанной применитель-

но к решению математических и логических проблем в рамках философии объективного реализма. Находясь в эпистемологической ловушке языка и не имея возможности посмотреть на него со стороны, мы не можем увидеть и понять главного: язык — это не предмет со сложной структурой, системно-функциональные свойства которого определяются предметными же свойствами образующих его компонентов — языковых знаков как двусторонних сущностей, обладающих формой и содержанием. Язык как биологически функциональное поведение человека есть способ его существования как живой (когнитивной) системы. Понимание языка как реляционной области кооперативных взаимодействий ориентирующего характера ведет к пониманию природы значения и смысла как синтеза системных и индивидуальных когнитивных процессов, «схваченных» словом и составляющих основу человеческого познания.

Список литературы

- Блюменау Д. И. Проблемы свертывания научной информации. М., 1982.
- Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.
- Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
- Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
- Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысления познавательные установки языкознания. М., 2013.
- Кравченко А. В. Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот // Гуманитарные чтения РГГУ — 2014 : сб. матер. М., 2015. С. 697–709.
- Кравченко А. В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. №3 (41). С. 14–26.
- Кравченко А. В. Что не так с лингвистикой как наукой // Методология современного языкознания — 3: сб. статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой / отв. ред. К. С. Карданова-Бирюкова М., 2021. С. 163–176.
- Кравченко А. В. Экологическая парадигма в исследованиях языка: смена познавательных установок // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения / отв. ред. А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. Красноярск, 2022. С. 10–27.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
- Линелл П. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменной языковой предвзятостью) vs диалогическая лингвистика // Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях (Studia linguistica cognitiva 3) / отв. ред. А. В. Кравченко. М., 2013. С. 41–57.
- Охоцимский А. Д., Кравченко А. В., Дружинин А. С. Мыследействия и генезис времени в языковом семиозисе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №2. С. 7–28.
- Чечулин В. Л. Об этимологии слова «смысл» в русском и некоторых европейских языках // Приволжский научный вестник. 2011. №3. С. 77–79.
- Щедровицкий Г. П. Знаки и деятельность. М., 2004. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5272> (дата обращения: 01.03.2023).
- Bunnell P. Dancing with ambiguity // Cybernetics & Human Knowing. 2015. Vol. 22, №4. P. 101–112.

Davidson A. Writing: the re-construction of language // Language Sciences. 2019. Vol. 72. P. 134–149.

Deacon T.W. Steps to a science of biosemiotics // Green Letters: Studies in Eco-criticism. 2015. Vol. 19, №3. P. 293–311. doi: 10.1080/14688417.2015.1072948.

Foerster H. von. Vision, language and knowledge: The double blind // New paradigms, culture, and subjectivity / ed. by D.F. Schnitman, J. Schnitman. Cresskill, 2002. P. 65–81.

Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. N. F. 1892. Bd. 100. S. 25–50.

Glaserfeld E. von. Radical constructivism: A way of knowing and learning. L., 1995.

Hebb D.O. The organization of behavior. N. Y., 1949.

Keller R. A theory of linguistic signs / transl. by K. Duenwald. Oxford, 1998.

Kellogg R.T. The psychology of writing. Oxford, 1994.

Kravchenko A.V. The ontology of signs as linguistic and non-linguistic entities: a cognitive perspective // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2003a. Vol. 1. P. 179–191.

Kravchenko A.V. Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language. Frankfurt a/M, 2003b.

Kravchenko A.V. Essential properties of language, or, why language is not a code // Language Sciences. 2007. Vol. 29. P. 650–671.

Kravchenko A.V. Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt a/M, 2008.

Kravchenko A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // Pragmatics & Cognition. 2009. Vol. 17, №3. P. 527–548.

Kravchenko A.V. A critique of Barbieri's code biology // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 15, №2. P. 122–134.

Kravchenko A.V. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2021. Vol. 15, №2. P. 139–158

Linell P. The written language bias in linguistics: Its nature, origins and transformations. L. ; N. Y., 2005.

Maturana H.R. Biology of cognition. BCL Report # 9.0 / University of Illinois. Urbana, 1970.

Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and biology of language and thought / ed. by G. Miller, E. Lenneberg. N. Y., 1978. P. 28–62.

Maturana H.R. Ontology of observing: The biological foundations of self-consciousness and of the physical domain of existence // Texts in cybernetic theory: An in-depth exploration of the thought of Humberto R. Maturana, William T. Powers, and Ernst von Glasersfeld / ed. by R.E. Donaldson. Felton, 1988. P. 1–54.

Maturana H.R., Varela F.J. The tree of knowledge: The biological roots of human understanding. Boston, 1987.

Maturana H.R., Mpodozis J., Letelier J.C. Brain, language, and the origin of human mental functions // Biological Research. 1995. Vol. 28. P. 15–26.

Morehouse R.E. Beginning interpretive inquiry: A step-by-step approach to research and evaluation. L. ; N. Y., 2012.

Morris C.W. Foundations of the theory of signs // International encyclopedia of unified science / ed. by O. Neurath, R. Carnap, C.W. Morris. Chicago, 1938. Vol. 1, part 2. P. 1–59.

Ogden C.K., Richards I.A. The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. N. Y., 1923.

Putnam H. Realism and reason. Cambridge, 1983.

Searle J. R. Mind, language and society: Philosophy in the real world. N. Y., 1998.

Staver J. R. Constructivism and realism: Dueling paradigms // Second international handbook of science education / ed. by B. J. Fraser, K. Tobin, C. J. McRobbie. Dordrecht, 2012. P. 1017 – 1028.

Об авторе

Александр Владимирович Кравченко, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Байкальский государственный университет, Россия.

E-mail: sashakr@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6300-0540

Для цитирования:

Кравченко А. В. Знаки и смыслы как эпистемологическая проблема // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 31 – 47. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SIGNS AND SENSES AS AN EPISTEMOLOGICAL PROBLEM

A. V. Kravchenko

Baikal State University,
11 Lenina St., Irkutsk, 664003, Russia

Submitted on 30.03.2023

Accepted on 05.05.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-2

The insolubility of the core problem of linguistic meaning is put down to the legacy of dualist philosophy that defines the initial epistemological assumptions, therefore the semiotic problem of the triad “sign – meaning/reference – sense” is discussed as a methodological problem caused by philosophy of external realism and the representational theory of cognition based on it. The view of linguistic signs as some external objects with specific properties, that is, their reification – a distinctive feature of Frege’s logical construals as a philosophical foundation of semiotic analysis, along with the deeply entrenched erroneous view of the nature and function of language as a communication tool rather than the mode of existence of humans as living (cognitive) systems, impedes scientific explanation of both language and linguistic signs. As an alternative, the core problem of semiotics is approached within the framework of constructivist epistemology that allows us to resolve the contradictions in the objectivist interpretation and explanation of sign, meaning, and sense which are viewed as emergent phenomena. A constructivist approach allows for a new understanding of the nature of meaning and sense as a synthesis of systemic and individual cognitive processes “grasped” by the word and constituting the basis of human cognition.

Keywords: language, linguistic sign, emergence, relational domain, system, constructivism, knowledge

References

- Blumenau, D. I., 1982. *Problemy svertyvaniya nauchnoi informatsii* [Problems of collapsing scientific information]. Moscow (in Russ.).
- Bunnell, P., 2015. Dancing with ambiguity. *Cybernetics & Human Knowing*, 22 (4), pp. 101–112.
- Chechulin, V. L., 2011. On the etymology “smysl” (sense) in Russian and European languages. *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhsky Research Bulletin], 3, pp. 77–79 (in Russ.).
- Davidson, A., 2019. Writing: the re-construction of language. *Language Sciences*, 72, pp. 134–149, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2018.09.004>.
- Deacon, T. W., 2015. Steps to a science of biosemiotics. *Green Letters: Studies in Ecocriticism*, 19 (3), pp. 293–311, <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1072948>.
- Demyankov, V. Z., 1989. *Interpretatsiya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ikh modelirovaniya na EVM* [Interpretation, understanding, and the linguistic aspects of their computer modelling]. Moscow (in Russ.).
- Doroszewski, W., 1973. *Elementy leksikologii i semiotiki* [Elements of lexicology and semiotics]. Moscow (in Russ.).
- Foerster, H. von, 2002. Vision, language and knowledge: The double blind. In: D. F. Schnitman and J. Schnitman, eds. *New paradigms, culture, and subjectivity*. Cresskill NJ: Hampton Press, pp. 65–81.
- Frege, G., 1892. Über Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, N. F., Bd. 100/1, pp. 25–50.
- Glaserfeld, E. von, 1995. *Radical constructivism: A way of knowing and learning*. London: Falmer Press.
- Hebb, D. O., 1949. *The organization of behavior*. New York: Wiley & Sons.
- Keller, R., 1998. *A theory of linguistic signs*. Translated by K. Duenwald. Oxford: Oxford University Press.
- Kellogg, R. T., 1994. *The psychology of writing*. Oxford: Oxford University Press.
- Kravchenko, A. V., 2003a. The ontology of signs as linguistic and non-linguistic entities: a cognitive perspective. *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 1, pp. 179–191, <https://doi.org/10.1075/arcl.1.10kra>.
- Kravchenko, A. V., 2003b. *Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language*. Frankfurt a/M et al.
- Kravchenko, A. V., 2007. Essential properties of language, or, why language is not a code. *Language Sciences*, 29 (5), pp. 650–671, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2007.01.004>.
- Kravchenko, A. V., 2008. *Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt a/M et al.
- Kravchenko, A. V., 2009. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. *Pragmatics & Cognition*, 17 (3), pp. 527–548, <https://doi.org/10.1075/pc.17.3.03kra>.
- Kravchenko, A. V., 2013. *Ot yazykovogo mifa k biologicheskoi real'nosti: pereosmyslyaya poznavatel'nye ustanovki yazykoznavaniya* [From the language myth to biological reality: Reassessing the epistemological assumptions of linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 2015. External realism and biology of cognition: the epistemological turn. In: E. I. Pivovarov, ed. *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2014* [The RGGU readings in the humanities – 2014]. Moscow, pp. 697–709 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 2016. The epistemological trap of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 3 (41), pp. 14–26, <https://doi.org/10.17223/19986645/41/2> (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2020. A critique of Barbieri's code biology. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 122–134.

Kravchenko, A. V., 2021. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15 (2), pp. 139–158, <https://doi.org/10.4396/2021209>.

Kravchenko, A. V., 2021. What is wrong with linguistics as a science. In: K. S. Kardanova-Birukova, ed. *Metodologiya sovremennogo yazykoznaniya – 3* [Contemporary linguistic methodology – 3]. Moscow, pp. 163–176 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2022. The ecological paradigm in linguistic research: a shift in epistemological assumptions. In: A. P. Skovorodnikov and G. A. Kopnina, eds. *Lingvoekologiya: problemy i puti ikh resheniya* [Linguaecology: problems and their possible resolution]. Krasnoyarsk, pp. 10–27 (in Russ.).

Linell, P., 2005. *The written language bias in linguistics: Its nature, origins and transformations*. London; New York: Routledge.

Linell, P., 2013. Two views on the nature of language: formal linguistics (with its written language bias) vs dialogical linguistics. In: A. V. Kravchenko, ed. *Kognitivnaya dinamika v yazykovykh vzaimodeistviyakh (Studia linguistica cognitiva 3)* [Cognitive dynamics in linguistic interactions]. Moscow, pp. 41–57 (in Russ.).

Maturana, H. R. and Varela, F. J., 1987. *The tree of knowledge: The biological roots of human understanding*. Boston MA: Shambhala.

Maturana, H. R., 1970. *Biology of cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana.

Maturana, H. R., 1988. Ontology of observing: The biological foundations of self-consciousness and of the physical domain of existence. In: R. E. Donaldson, ed. *Texts in cybernetic theory: An in-depth exploration of the thought of Humberto R. Maturana, William T. Powers, and Ernst von Glasersfeld*. Felton, CA: American Society for Cybernetics, pp. 1–54.

Maturana, H. R., Mpodozis, J. and Letelier, J. C., 1995. Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 28, pp. 15–26.

Maturana, H. R., 1978. Biology of language: The epistemology of reality. In: G. Miller and E. Lenneberg, eds. *Psychology and biology of language and thought*. New York: Academic Press, pp. 28–62.

Morehouse, R. E., 2012. *Beginning interpretive inquiry: A step-by-step approach to research and evaluation*. London and New York: Routledge.

Morris, C. W., 1938. Foundations of the theory of signs. In: O. Neurath, R. Carnap and C. W. Morris, eds. *International encyclopedia of unified science*. Vol. 1, Part 2. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 1–59.

Ogden, C. K. and Richards, I. A., 1923. *The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism*. New York: Harcourt, Brace & World, Inc.

Putnam, H., 1983. *Realism and reason*. Cambridge: Cambridge University Press.

Searle, J. R., 1998. *Mind, language and society: Philosophy in the real world*. New York: Basic Books.

Shchedrovitsky, G. P., 2004. Signs and activity. *Center for Technologies in the Humanities*. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/5272> [Accessed 1 March 2023] (in Russ.).

Simsky, A. D., Kravchenko, A. V. and Druzhinin, A. S., 2021. Action-thoughts and the genesis of time in linguistic semiosis. *Slovo. ru: Baltic accent*, 12 (2), pp. 7–28, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-2-1> (in Russ.).

Staver, J. R., 2012. Constructivism and realism: Dueling paradigms. In: B. J. Fraser, K. Tobin and C. J. McRobbie, eds. *Second international handbook of science education*. Dordrecht: Springer, pp. 1017–1028.

Yartseva, V. N., ed., 1990. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr. Alexander V. Kravchenko, Professor, Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University, Russia.

E-mail: sashakr@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6300-0540

To cite this article:

Kravchenko, A.V., 2023, Signs and senses as an epistemological problem, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 31–47. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))